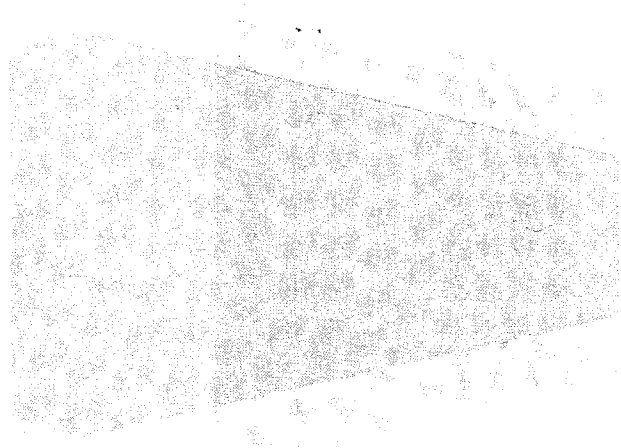

Eurasian academy

**PHILOLOGICAL THEORIES AND THEIR
APPLICATION IN TRANSLATION AND
IN PRACTICE**

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ
И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ В ПЕРЕВОДЕ
И ПРАКТИКЕ**

**FILOLOGICKÉ TEÓRIE A ICH APLIKÁCIE
V PREKLADE A V PRAXI**

Bratislava 2015

Рекомендовано к печати НИИ Абая при КазНУ им.
аль-Фараби, кафедрой теории и методологии
перевода КазНУ (Казахстан) и Евразийской
академией (Словакия)

**PHILOLOGICAL THEORIES AND THEIR
APPLICATION IN TRANSLATION AND
IN PRACTICE**

Collection of Research Papers

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ
И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ В ПЕРЕВОДЕ
И ПРАКТИКЕ**

Сборник научных статей

**FILOLOGICKÉ TEÓRIE A ICH APLIKÁCIE
V PREKLADE A V PRAXI**

Zbierka vedeckých článkov

Bratislava 2015

Редакционная коллегия:

Ж.Дадебаев (Казахстан), Т.Есембеков (Казахстан), А.Жаксылыков (Казахстан), А.Тараков (Казахстан), PhDr. S. Bencic doc. PhD. (Словакия)

Ответственные редакторы

Л.Мусалы, Е.Карбозов, S. Bobocka

Zostavovstel':

Zhanna Amersshina

Recenzenti:

PhDr. E. Melusova CSc
Mgr. Irena Kosirelová, PhD.

Filologické teórie a ich aplikácie v preklade a v praxi: zbierka vedeckých článkov – Bratislava, 2015.

Филологические теории и их применение в переводе и практике: сборник научных статей – Братислава, 2015. – 260 стр.

Tlač:

Merkury spol. s r.o.
Martinčekova 2, 821 09 Bratislava
E-mail: info@tlaciarenimpress.sk

ISBN 978-80-971536-3-2

Сборник научных статей подготовлен на основе работ, выполненных за 2014-2015 гг. в рамках программы «Межкультурные связи и международные научные исследования», которая реализуется по инициативе кафедры теории и методологии перевода и Научно-исследовательского института им. Абая при Казахском национальном университете им. аль-Фараби Министерства образования и науки Республики Казахстан. Сборник охватывает современные актуальные проблемы в сфере межкультурных связей и литературной компаративистики.

Исследования предназначены для ученых, докторантов, магистрантов и студентов, занимающихся научными изысканиями по проблемам в сфере межкультурных связей.

Obsah/Содержание

<i>Тараков А.</i>	6
Наука требует подвигов и бесстрашия	
<i>Ашимханова С.</i>	12
Феноменологический историзм, прогнозирующий уникальность и неповторимость текстов Г. Мусрепова.	
<i>Жаксылыков А.</i>	29
Многослойность традиционного казахского дискурса	
<i>Есембеков Т.</i>	45
Проблемы перевода поэтического текста	
<i>Казыбек Г.</i>	49
Художественный перевод - фактор сближения стран и континентов	
<i>Seydenova S.</i>	55
Problems of man and nature in works of D. Doszhan	
<i>Turumbetova L.</i>	61
Peculiarities of Scientific text and its translation	
<i>Мусалы Л.</i>	67
Национально-культурная специфика оригинала и ее воссоздания в процессе перевода	
<i>Козай Э.</i>	76
К вопросу о понимании концепта «Тас (камень)»	
<i>Таусогарова А.</i>	85
Лингвистический анализ текстов со спорными авторами	
<i>Кадыров Ж., Таласпаева Ж.</i>	95
Образы-компоненты национальной картины мира в поэзии Ф. Онгарсыновой	
<i>Бектурова Э.</i>	100
Эффективные упражнения для будущих переводчиков	
<i>Tarakov A., Aitmukhanbetova A.</i>	105
Chingiz Aitmatov and Kazakh life	
<i>Тусупова А.К.</i>	112
Посол поэзии во всем мире	
<i>Ломова Е.</i>	119
Рецепция «семейной темы» у Ф. Достоевского в произведениях американских писателей	
<i>Есеналиева Ж.</i>	127
Понятие «концепт» в когнитивных и дискурсивных исследованиях	
<i>Смагулова А.</i>	135
Перевод нефтегазовой терминологии	
<i>Tausogarova A., Baizhanova G.</i>	143
Linguistic aspect of ornaments and patterns of modern clothes	
<i>Balmukhambetova A.</i>	150
Functionality of screen advertising and its translation model	
<i>Dairabekova G.</i> Historical trait in Kazakh translation of R. L. Stevenson's novel "Black arrow". Adventures of Oliver Twist"	159

*Жаксылыков А.,
доктор филологических
наук, профессор
КазНУ им. аль-Фараби,
член союза писателей РК*

МНОГОСЛОЙНОСТЬ ТРАДИЦИОННОГО КАЗАХСКОГО ДИСКУРСА

Казак, скорее всего, термин военного значения. Шокан Валиханов был прав, когда прочитывал его в значении – *всадник, вольный человек, воин*. Военный писатель М.Иванин, показывая генезис казачества на Руси, также придерживается такой трактовки термина, присоединяя еще один смысл – военный арьергард войска тюрко-монголов, легкая конница. Он считал, что становление казачества как межэтнического военного сословия происходило на базе тех куреней, который основал хан Батый по берегам рек Дон и Днепр для борьбы с Европой (Польшой). По другим источникам мы знаем, что термин *казак* более раннего происхождения. Он присутствует в орхон-енисейских надписях (8 в. н.э.) в значении – воин, тот, кто нападает на караваны в группе таких же молодых храбрецов. Нельзя игнорировать автобиографические записи эмира Тимура, великого завоевателя, что в молодости он *казаковал*, чтобы завоевать богатство и сколотить воинскую дружину.

Таким образом, до формирования казахского этноса в 15 веке слово *казак* бытовало в тюрко-монгольской среде, обобщая образ жизни молодых джигитов, вынужденных казаковать, чтобы добыть себе опыт воина, а также средства для калыма. Кроме того, существовали воинские сообщества – легкая конница на основе тюрко-черкесских союзов, которые до эпохи нашествия монголов базировались на Северном Кавказе и территории современного Азербайджана. Именно этим объясняется сообщение Фирдоуси (10 в.), что на Кавказе существовало ханство казаков. Семантически близки к слову *казак* военные

термины, трансформировавшиеся затем в этнонимы – *монгол, джунгар, ойрот, бурят* и др.

Превращение военного термина в этноним началось приблизительно с середины 15 века, когда на территории улуса Джучи хана (Ак Орды) сформировался союз 40 родов и племен, назвавшихся словом *Казак*, поначалу – *узбек-казак*, затем без первой приставки, что означало отмежевание от улуса узбеков и осознание себя самостоятельной военно-политической организацией. Отметим, что нейтральный по значению военный термин устраивал все эти объединившиеся роды и племена, если бы было предложено какое-нибудь племенное имя, консолидация в союз была бы невозможна. За пять веков, до 20 века включительно, произошло полное становление крупного тюркского этноса – *казак*. В течение этого периода вожди и историки соседних народов, татар, узбеков, таджиков, туркмен, иранцев, арабов, китайцев, кроме русских, которые неточно называли наш народ термином *кыргыз-кайсака*, никогда не ошибались в именном определении этноса, живущего на обширных пространствах от Волги до Черного Иртыша по западно-восточному направлению и от Аму-Дарьи до Яика, Тобола и Ишима (и Омска) по юго-северо-восточному направлению. Этногенез нашего народа замедлился в 17-18 вв. по причине джунгаро-калмыцких нашествий, в то же время эти военные два века ускорили развитие национального самосознания казахов. Замедление этногенеза произошло в 20-м веке, когда в 30-40 годы нация подошла к критической черте возможного исчезновения и ассимиляции в результате большевизмской социальной экспансии. На сегодняшний день с учетом диаспор количество казахов составляет более 15 миллионов человек.

Основатели казахского ханства, видимо, военное сословие, берущее начало из арьергарда войск Бату хана, приняли ислам еще в 13 веке при правителях Золотой Орды, Узбек хане и хане Берке, но исламизация всего народа, союза племен, затянулась до конца 19 века и остановилась в начале 20 века. До принятия ислама тюрки – протоказахи исповедовали тенгрианство (поклонение силам природы). Условия кочевого и полукочевого образа жизни привели к

тому, что на большей территории Казахского ханства не было постоянных мечетей и медресе, вследствие чего ислам казахов носил довольно-таки мягкий, терпимый характер. Тем не менее, казахи по религиозному принципу осознавали себя мусульманами, это видно по сохранившейся средневековой поэзии акынов-жырау. Попытки миссионеров православного мира в эпоху колонизации обратить казахов в христианство привели к активизации проповедников ислама с юга и проповеднической деятельности крупного отряда поэтов-книжников религиозного толка (конец 19 – начало 20 века).

Мягкий характер ислама в казахских степях привел и к тому, что тенгрианские субстраты, символы, маркеры и остаточные культы не были полностью вытеснены и изжиты из сознания и обихода казахов. Они остались и в значительной мере ушли в архаический обрядово-культовый слой, образовав уровень подсознательных верований, суеверий, предрассудков, народной магии. Очень хорошо демонстрируют такое состояние казахской народной духовности похоронные, свадебные обряды и обычаи, а также такие возрастные инициации, как *туссау кесу*, *қырықпаң шығару*, *мушел* и др. Практика этих и других обычаев и обрядов, а также инициаций, особенно – похоронных, наглядно показывает реальную культовую многослойность. Символические действия обычно связаны с тенгрианством (жертвоприношение скота, раздача кусков ткани или платков, одежды покойного, мелких денег, ритуальные плачи), захоронение умершего после двух или трех ночевок под родным шаныраком, в то время как заупокойные и выносные молитвы (*жаназа*, *ясин*) имеют ясное кораническое происхождение.

Многослойность казахской этнокультуры также показывает практика празднования Нового года – Наурыза. Хорошо известно, что календарный Новый год восточных народов – наурыз отмечается исстари иранцами и тюрками, в то время как ортодоксальные мусульмане – арабы его не признают, считая его языческим пережитком. Казахи широко и пышно празднуют Наурыз – ритуал, исторически связанный не с исламом, а с другой, более старой религией –

зороастризмом, к которому генетически близко тенгрианство. В то же время можно заметить, что во время Наурыза, произнося ритуальные *алгысы* и *бата* (благословения), старцы нередко читают молитвы из Корана. Можно констатировать, что тюркское духовенство всегда терпимо относилось к Наурызу. В то же время в последние годы в Казахстане мусульманское население стало активно отмечать и Ураза айт и Курбан байрам – праздники собственно исламские.

Все ошутимее уходят в прошлое обряды и ритуалы, имеющие архаические тенгрианские, тотемистические, анимистические корни. Анализ кочевой культуры казахов и близких народов (кыргызов, каракалпаков) показывает, что жизнь кочевников сопровождало большое количество инициальных и календарных праздников, которые практиковались, например, по время откочевки на весеннюю стоянку – *джайлау*, летовку – *жаздық*, осенник – *күздеу*, зимовку – *қыстау*. Таких праздников (*шилдехан*, *қымыздық тойы*, *ерулік*) и молодежных игр (*алты бақан*, *ақ сүйек*) насчитывалось, по сообщению информаторов (З. Ахметова), до 300. Нельзя забывать и о таких мужских, воинских ритуальных состязаниях с магическим, мифологическим содержанием, как облавная охота, *көкпар*, *бәйге*, *қазақша күрес*, *қыз қуу* и др. Тем не менее, можно констатировать, что исстари всадническая культура кочевников и полукочевников неизменно носила сквозной ритуально-обрядовый характер, основанный на вере в аруахов, в дух неба и солнца – Тенгри, в повелителей природных стихий и локусов – Ые. Весьма богатой и ранообразной была ангелология и демонология казахов, выходящих за пределы исламской религии. Они все отражены в национальном фольклоре.

Духовность народа находит выражение в религии и в искусстве. До 19 века традиционная национальная словесность казахов носила изустный фольклорный и полужанровый характер. Изустная культура казахов также носила печать ритуальности, и многие ее жанры обслуживали традиционные ритуалы, например, свадебные обрядовые песни, похоронные, календарные песни,

шаманские заклинания, связанные с матерью зашиты, лечения, знания злого духа, и т.д. Общеизвестно, что фольклор казахов чрезвычайно развит и имеет богатую, разветвленную систему жанров. Некоторые уникальные жанры, не встречающиеся в фольклоре других народов, до сих пор живы, они и сейчас обслуживают культуру народа, например, айттысы. Активная фольклорных жанров обуславливает богатую мифопоэтику всего искусства казахов, в том числе и письменной литературы, она пронизана духовностью, основана на традиционной этике и эстетике. Активность парамеологических форм казахского фольклора (афоризмов, перифраз, бата, айттысов, пословиц и поворотов, притч, паралилелизмов, алегторий, риторических фигур) придает словесной культуре казахов, в том числе изустной, — матический и метафорический характер. Носители казахского языка, старшее поколение, обычно мыслят и говорят метафорически на основе традиционного метасемантического дискурса, что свидетельствует о живой связи с фольклором.

Таким образом, большая часть казахской культуры и ее словесности основана на традиции, и это создает проблемы для развития новых течений в письменной литературе, в частности — модерна, постмодерна, которые требуют для своей зрелости сложных форм урбанистического, интеллектуального дискурса. Казахская музыкально-мелодическая культура (мелос) сохранила архаические религиозные жанры и традицию исполнения на старинных инструментах. Фольклорные фестивали народной музыки и песни собирают большое количество людей, которые приходят в залы, чтобы послушать исполнение музыки на старинных инструментах: кобызе, домбре, сырынае, сыбызгы и др. С каждым годом все большее количество любителей собирается на концерты певцов — исполнителей религиозных песнопений в традиции горлового пения — кумекей. Религиозные старые традиции песнопения казахов делится на несколько школ: кызыр-ординская (кармакчинская) школа, сары-аркинская, семиреченская школы, восточная школа (алтайских казахов) и мангыстауская школа западных казахов. Такое

разнообразие традиционной музыки и песнопений казахов говорит о богатстве культуры и ее огромном потенциале, который может раскрыться в будущем.

Метатекст — парадигматическая словесность, функционирующая по исторической необходимости, для выполнения особых сверхзадач, стоящих перед коллективом, этносом, племенем. В слова или фразы с метасемантическим содержанием вкладывается особое содержание, требующее исключительной мобилизации коллективного сознания, осмысления проблем, возникающих на рубеже веков, влияющих на сакральные аспекты единства нации или этноса. В метатексте аккумулируются духовный опыт коллектива, сакральные аспекты, социально-психологический план, сущности, осознание высшей цели, выходящей за пределы настоящего в будущее, полусознательные, матричные смыслы, мифопоэтическая парадигматика и т.д. Скрытый функциональный план метатекста — это обращение к большому коллективу, призыв к мобилизации всех сил для решения задач исторического, эпохального значения. Поскольку в древние эпохи попарамеоложилось, что в творении метатекста — священной клятвы, договора между племенами участвуют боги (Митра, Тенгри, Индра), такая фразеология неизбежно оформилась как метатекст — диалог людей с богами, с сакральными силами коллективной судьбы.

В истории национальной устной словесности такая фразеология чаще всего носила ритуальный характер. Ритуальность — внутренний принцип метатекста. Ритуальность свидетельствует о многовековой традиции консолидации коллектива именно через образ, апелляцию к высшим силам, заключения договора между ними и людьми, а также между членами коллектива, вступающего в данный образ. Безусловно, такими текстами выступали клятвы (aitty), которые заключали вожди племен перед большими битвами с оборонительными целями или, наоборот, для масштабной экспансии. «Илтиада» и «Одиссея» выступают как словесные оформления, выросшие вокруг ядра метатекста — клятвы вождя, сюжет же — как инварианты нарушения этой священной клятвы или подтверждения ее.

Такова внутренняя смысловая структура и великой «Махабхараты», повествующая о расколе между царями двух кланов, Пандавов и Кауравов. В истории древнетюркских народов в качестве ядровых метатекстов, разросшихся вокруг ритуала клятвы, выступают такие эпосы, как «Огуз-наме», «Коркут». Они наиболее ярко свидетельствуют о древних традициях ритуальной клятвы вождей с апелляцией к высшим, божественным силам. Казахский народ, сформированный реликтами древних тюркских племен, полностью унаследовал всю ритуальную, магическую словесность предков, и не только унаследовал, но и развил, создал новые жанры метатекстов.

К жанрам метатекстов в казахской изустной традиции следует отнести ряд локальных и крупных жанров, несущих на себе печать суггестии, то есть вербальной магии: *бата* (благословения), *осиет* (наставления), *жыр* (героический эпос), *алгыс* (благопожелания), *сарн* (обращение к духам), *ант* (клятва), *каргыс* (проклятие), *арбау* (заклинание), *дуга* (молитва) и др. Так или иначе несут на себе печать особой суггестии (воинской магии) такие жанры казахской песенной эпикой, как *толғау* (думы), *терме* (речитатив).

Характерно, что все эти жанры носят эксплицитный характер, то есть внутренне они структурированы как тексты, которые предназначались для коллектива, исполнялись перед коллективом, кроме, быть может, *каргысов* и *арбау* – жанров шаманской этиологии, функциональность которых носила более узкий и специализированный характер. Яркий консолидирующий характер был присущ таким жанрам, как *жыр*, как правило, эпосы исполнялись перед большими коллективами (войсками) до начала битвы и цель таких песенных сессий была совершенно ясна – вдохновить воинов на сражение, вызвать у них особое состояние героического, жертвенного порыва, экстатического презрения к смерти. *Жыры* (эпосы) при таких исполнениях обрамлялись целым рядом малых парадигматических жанров: пословицами и поговорками, притчами, мифами, параллелизмами, афоризмами, упоминаниями, ссылками на генеалогии, *уранами* (боевыми кличами), что несомненно усиливало воздействие всего глобального метатекста на восприятие

большой массы людей. Такие героические эпосы, как «Манас», «Кобланды», «Алпамыс», «Камбар батыр», «Ер Таргын», «Кероглы», «Сорок крымских батыров» и др. представляют собой вербальные конструкции, где большие метатексты – описание агиографии идеального героя, его пространственных перемещений, сцены эпических сражений, создаются сегментированием ряда парадигматических формул малой формы, но вполне канонического содержания. При этом имплицитный план такой архитектоники представляет вниманию исследователя идейную подоплеку корпуса обрядов и ритуалов, взаимодействующих парадоксальным образом. Этот план открывается, когда исследователь понимает, что каждая каноническая фольклорная форма, особенно – малая, представляет собой реликт или субстрат архаических ритуалов, более или менее развитые словесные блоки несут в себе редуцированные формы, например, воинских ритуалов. Так, например, в свете подобного прочтения, раскрывается ритуально-магическая подоплека обычая тюркских батыров древних эпох вступать в словесную перепалку с врагом перед реальным поединком. В любом тюркском эпосе мы найдем такую коллизию. Смысл такого обычая становится понятным, когда учи́тываешь применение особой воинской вербальной магии – *каргыса* (проклятия), чем оно успешнее – тем вероятнее победа в схватке. Воины, чье сознание было обусловлено кланово-генеалогическим, родовым мышлением, не могли не применять традиционную вербальную магию, в том числе – шаманскую, они зачастую были уверены, что имеют *арка* (сверхъестественного союзника). Сразить противника в словесном поединке – значит – обусловить победу в реальном поединке. Вера в *арка* (союзника), *Кие* (иррационального покровителя), *Ие* (святого духа) – это принципы, вытекающие из духовных институтов тенгрианства. Как известно, в степном архаическом веровании были развиты всевозможные формы магии, в том числе вербальные воинские магии. Целью воинских магических ритуалов было – вызвать особое глубоко измененное экстатическое состояние духа, когда вдохновленный коллектив (или отдельный боец) был способен идти в бой, не думая о жизни

жанр малой парадигматической формы несет в себе реликт ритуала. Имманентно несомый и свернутый в латентной форме ритуал и есть послание сквозь время. А когда приходит время новой актуализации духовного тела коллектива, запрос может даже принять форму востребованной общей национальной идеи, и тогда вновь оживают мифы и легенды, начинают говорить краткие, твердые формы, а в них – оживать древний ритуал. Мы живем в такое время, когда в словесной культуре казахов вновь актуализируются практически все выжившие малые твердые парадигматические формы. *Алгысы, бата, осиеты, притчи, магические истории* звучат не только в устных выступлениях на тоях, курултаях и асах. Они подчас появляются и в текстах публицистики и эссе. *Анты и каргысы* пока находятся в зоне ожидания. Необычайно активен вновь возрожденный *айтыс*. Кызыл-ординская школа жырау традиции горлового и челюстного пения вновь возрождает технику устного сказывания больших эпосов, например, «Алпамыса», «Кероглы».

Целью всех этих выступлений, поэтических и песенных сессий, айтысов, фольклорных фестивалей, курултаев и асов, когда целостно используется почти весь корпус номадической этнокультуры – является имплицитно – собирание коллективного духовного тела, его оживление, восстановление пантеона и эгрегора, которые были почти разрушены в эпоху воинственной идеологической экспансии. Писатели и поэты, журналисты, историки, философы зачастую используют парадигматический фонд казахской словесности, не скрывая своей цели, декларируя восстановление всего космоса национальной культуры, возрождение традиционной этнопедагогики, создание барьера на пути космополитизма и глобализации, восстановление прежних и создание новых институтов формирования все того же генотипа, вынесшего на своих плечах тяжесть многовековой истории.

Приведем в качестве иллюстрации фрагмент из книги эссе известного общественного деятеля Асаубая Майлыбаева.

Қай халықтың да, соның ішінде қазақтың да рухани көсемдік әлемі болды. Өзімізді ғана айтсақ біздің еліміздің тұтастығын көп жағдайда сол күйінде ұстап келген сол әлем. Қасиетті хандарымыз бен өсиетті билеріміз сол әлемде бас біріктіріп, ниет қосу арқылы халқының тағдырына ие болды. Рухани көсемдік әлемінде ақиқатты айтқанда алмас қылыштай жарқылдаған, азуын айға білеген, аңырап сөйлеп, адуын, айбынды мінез көрсеткен, теңселіп тұрып термелеп, тебініп теңдік сұраған, бұқараның қамы үшін бұлтақтауды білмеген, елдікті айтып толғаған, ерлікті айтып ерлеген, өсиет айтып өрлеген, кері тартқан кердеңмен келісімге келмеген, қазағым-ай дегенде ешкімге дес бермеген, ханға қарап сөйлесе қолтығына кірмеген, қараға қарап сөйлесе бірлігінді біл деген, батырға қарап сөйлесе, елінді қорғап жүр деген, алмастан өткір тілі бар, жүрегінің түгі бар арыстар да алысқа басқан. Сен соларды біл жас ұрпақ. Сен солардың рухын жас ұрпаққа жеткіз жетелі, ағайын. [3]

Наш перевод:

У каждого народа, в том числе у казахов, есть свой духовный мир, выразителями которого были вожди, ораторы. Если говорить только о нас самих, то надо признать, что этот мир в разных обстоятельствах сохранял целостность нашего народа. Наши самые дальновидные ханы и прогрессивные бии смогли объединить этот мир, помыслы множества людей и тем самым направить в нужное русло судьбу народа. Духовная истинность мира признанных вождей проявляла себя в следующем: озвучивая правду, сверкающую, словно острие меча, они говорили протяжно и громко, с искусством и мужеством, бесстрашием льва, чьи клыки отточены самой луной; пылая душой, трепетно и неотступно требовали равенства, когда речь шла обо всем народе. Они не колебались и не юлили, волнуя слушателей, ссылались на авторитет всего народа, приводили примеры признанных героев, блистая образцами устной речи, приводили притчи и аллегории. При этом они никогда не уступали чванливому спесивцам, которые норовили сбить с толку, увести тему в сторону; когда разговор заходил об интересах всех казахов,

привности, сквозь время обращающегося к нам и требующего вспомнить славное прошлое, вернуться к его нравственности, исполнить, бесстрашно, отрицать демонов забвения и изученности друга.

О жанровых признаках *терме* свидетельствуют особая аллитерационная ритмика, монорифма и пафос: Рухани көсемдік әлемінде ақуақтаты айтқанда атмас қылыштай жарқылдаған, азуын айға білеген, аңыран соңмен, адыын, абынды мінез көрсеткен, теңселіп тұрып термелен, тәбін тімендік сұраған, бұқараның қамы үшін бұтатқанды білмеген, елдікті аңып толғаған, ерлікті аңып ерлеген, оңмет аңып ерлеген, кері тартқан кердеңмен келістіме келмеген, қазғал-ай дегенде еткіме дес бермеген, ханға қарап сөйлесе қолтығына кірмеген, қараға қарап сөйлесе бірлігінді біл деген, батырға қарап сөйлесе, елді қорғап жүр деген, атмасын өмір тілі бар, жүрегінің түгі бар арыстар да аттан басқан. (А. Майлыбаев — там же.

О полномерной функциональности матической, ритуальной речи свидетельствует изысканная, сложная метафоричность, тем не менее не уникальная, а отработанная в мире эпоса, *толғау* и *терме*, приобретающая все критерии твердой, канонической формы. В этом динамическом метафорическом построении заметны архетипы и субстраты очень древнего происхождения. Типичный анализ выявляет их особое содержание и скрытое название. *Азуын айға білеген* — буквальный значеніе этой формулировки — точить зубы о луну. В этом архетипе наложился друг на друга два глобальных слоя метасемантического значения. Во-первых точит о луну зубы только волк, который вой, купает оскал в лунных лучах. Как известно, волк — архаический тотем тюркских народов, главная мифология. Вплоть до принятия ислама тюркские воиска ходили в поход со штандартом, на котором была изображена оскаленная золотая волчья голова. Перевод этого метафорического фразеологизма потребовал от нас больших усилий. Необходимо было провести этимологический и структурный анализ архаизма и затем найти вариант перевода, который позволил бы передать на русском языке скрытое значение

не отступать и не шти на компромисс, говоря с ханом, простомоднм, требоват от них помыш единство всего общества, обратаясь к батйру, требоват от него помышть о своем долге заштитать народ и землю. У этих опаторов — *вождей* был *остры*, слово *атмас*, язык, *серде*, *пороссе* *вопосам*, эти рыцари ходит *елгяа*, *стуга* *стене*но. *Молодеж*, ты должна знать их. Братья, что старше, вы должны довести до сознанія молодежси *высоту* их духа, *убедить* ее.

Анализ этого примечательного фрагмента показывает — перед нами образцы *осета* — выступления бия или пешена (опатора) перед большим коллективом людей, когда озвучивается масштабная цель на масштабные времена. Именно с подобными речами выступали перед воинами и вождями трех жузов Толе би, Айтеке би, Казыбек би для консолидации всего народа в предстоящих битвах с джунгарами. Одновременно этот фрагмент усложнен наличием признаков и других жанров, *терме*, *дуга* (молитвы), в нем заметны апелляции к древним духовным институтам, имеются опорные архетипы и субстраты, которые свидетельствуют об активности коллективного подосознательного начала. Жанровый синкретизм подобного рода не случаен, это выступление человека 21 века, чье вербальное действие неизбежно носит многосторонний и многоплановый характер. Структурный анализ выявляет следующее: объект обращения — современные поколения этноса, форма обращения — ритуально-каноническая (речи абзгов-жрецов, вождей), скрытые апелляции — к духам предков, могучих вождей древности, *чи серда* *поросси* *вопосам*, *чей язык был остры*, как *атмас*. Такая структурная и семантическая многоплановость свидетельствует о наличии функционального полилога, то есть имплицитной корреспонденции через духовное тело пантеона. Образно говоря, перед нами образец речи опатора

Сердце, поросшее волосами — традиционная метафора казахского эпоса, символизирующая предельное мужество и бесстрашие воина.

фразеологизма: *чьи клыки отточены самой луной*. Второй смысловой аспект данного выражения – луна. Как известно, до ислама тюрки поклонялись луне как ипостаси богини Умай, она есть и щеце – то есть мать (*в древнем санскрите Шеша – великая змея, луна в фазовых переходах*). Умай-щеце выступала и как богиня плодородия и одновременно – как покровительница всех искусств. Присутствие понятия *луна* в тюркской эпической метафорике (в петроглифах, рунах) далеко не случайно, ибо это скрытая апелляция к высокой духовной инстанции древности. Таким образом, в этом удивительном образе соединились два смысловых плана, они буквально по закону круга вливаются один в другой: волк воет на луну, а луна оmyвает его оскал. Это, несомненно, великий символ.

Об особом назначении данного фрагмента говорят следующие параметры метатекста: идеализация героев эпического прошлого (*они говорили протяжно и громко, с искусством и мужеством, бесстрашием льва, чьи клыки отточены самой луной; пылая душой, трепетно и неотступно требовали равенства... они не колебались и не юлили.... говоря с ханом, перед ним угодливо не склонялись*); формулирование нравственного кодекса для современников и будущих поколений; требование максимально внимать урокам предков, быть достойными их подвигов, находиться на такой же духовной высоте; обозначение пиететной дистанции по отношению к великому прошлому, символическая гиперболизация фигур пантеона, четкое обозначение задач - хранить заветы, быть бесстрашными, чтить идеалы, быть едиными в борьбе за будущее.

Таким образом дидактика подобных текстов заключается не в поучении и наставлении – а в имплицитной передаче особой суггестии, информации, которая закодирована на скрытом метаплане, и которая должна быть прочтена и понята в сложном патерне многомерного восприятия современников и будущих поколений. Именно поэтому подобные тексты должны передаваться в переводе с особым вниманием и подбором адекватных средств в принимающем языке.

Литература:

1. Наурызбаева З. Вечное небо казахов.- Алматы, Сага, 2013, с.214-216.
2. Жаксылыков А.Ж. Сравнительная типология образов и мотивов с религиозной содержательностью в произведениях казахской литературы. Эстетика, генезис. – Алматы, Казак университеті, 2013.
3. Майлыбаев А. Ұлт, Ұрпақ, Ұлағат.-Алматы, Қазақпарат, 2014, с. 30, 129.